

Алексей Константинович Толстой

**И ничего в природе нет,
что бы любовью не дышало
(сборник)**



*Часть сборника
Князь Серебряный (сборник)*



Алексей Константинович Толстой

И ничего в природе нет, что бы любовью не дышало (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173884

Князь Серебряный: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-13907-1

Аннотация

«Бор сосновый в стране одинокой стоит:
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
«Приходи вечером в бор дремучий тайком,
На зеленом садись берегу ты моем!...»

Содержание

«Бор сосновый в стране одинокой стоит...»	4
Поэт	6
«Колокольчики мои...»	8
«Ты знаешь край, где все обильем дышит...»	13
Цыганские песни	16
«Ты помнишь ли, Мария...»	18
Благовест	20
«Шумит на дворе непогода...»	22
«Дождя отшумевшего капли...»	24
«Ой стоги, стоги...»	26
«По гребле неровной и тряской...»	28
«Милый друг, тебе не спится...»	30
Пустой дом	31
«Пусто в покое моем. Один я сижу у камина...»	33

**Алексей
Константинович Толстой**
**И ничего в природе
нет, что бы любовью
не дышало. (Стихи)**

*Совершенно удивительный был человек (и поэт,
конечно)!*

И. А. Бунин (письмо к М. В. Карамзиной, 1939 г.)

**«Бор сосновый в стране
одинокой стоит...»**

Бор сосновый в стране одинокой стоит:
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
«Приходи вечерком в бор дремучий тайком,
На зеленом садись берегу ты моем!
Много лет я бегу, рассказать я могу,
Что случилось когда на моем берегу.

Из сокрытой страны я сюда прибежал,
Я чудесного много дорогой узнал!
Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда среди моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Что бывает порой здесь в тумане ночном!»
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал.

Поэт

В жизни светской, в жизни душевной
Песнопевца не узнать!
В нем личиной равнодушной
Скрыта божия печать.

В нем таится гордый гений,
Душу в нем скрывает прах,
Дремлет уря вдохновений
В отдыхающих струнах.

Жизни ток его спокоен,
Как река среди равнин,
Меж людей он добрый воин
Или мирный гражданин.

Но порой мечтою странной
Он томится одинок;
В час великий, в час неожиданный
Пробуждается пророк.

Свет чела его коснется,
Дрожь по жилам пробежит,
Сердце чутко встрепенется —
И исчезнет прежний вид.

Ангел, Богом вдохновенный,
С ним беседовать слетел,
Он умчался дерзновенно
За вещественный предел...

Уже, вихрями несомый,
Позабыл он здешний мир,
В облаках под голос грома
Он настроил свой псалтырь,

Мир далекий, мир незримый
Зрит его орлиный взгляд,
И от крыльев херувима
Струны мощные звучат!

Начало 1840-х годов

«Колокольчики мои...»

Колокольчики мои,
Цветики степные
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!

Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, —
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;

И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.

Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает Бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,

С бритой головою,

Молча свой натянет лук,
Лежа под травкою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,

И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,

Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;

Его светлое лицо
Блещет новой славой;

Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»

И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вокруг столов,
Мед и брага льются,

Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,

Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

1840-е годы

«Ты знаешь край, где все обильем дышит...»

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубяся над водою,
Бежит дымок синеющей струею?

Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов венок плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на пожне гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой!

Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,

Среди степей курган времен Батыя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрып, ковры цветущей гречи
И вы, чубы – остатки славной Сечи?

Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада блеят, а колокол гудит,
И в божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь над спящею Украиной
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,
Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?

Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи
Где столько тел лежало среди полей?
Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,

Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..
Туда, туда стремлюся я душою!

1840-е годы

Цыганские песни

Из Индии дальней
На Русь прилетев,
Со степью печальной
Их свыкся напев,

Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышат разлукой
От лучшей земли.

Не знаю, оттуда ль
Их нега звучит,
Но русская удаль
В них бьет и кипит;

В них голос природы,
В них гнева язык,
В них детские годы,
В них радости крик;

Желаний в них знойный
Я вихрь узнаю,
И отдых спокойный
В счастливом краю,

Бенгальские розы,
Свет южных лучей,
Степные обозы,
Полет журавлей,

И грозный шум сечи,
И шепот струи,
И тихие речи,
Маруся, твои!

1840-е годы

«Ты помнишь ли, Мария...»

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

1840-е годы

Благовест

Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый,

В край благодатный,
Забытый мною, —
И, непонятной
Томим тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,

И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

1840-е годы

«Шумит на дворе непогода...»

Шумит на дворе непогода,
А в доме давно уже спят;
К окошку, вздохнув, подхожу я —
Чуть виден чернеющий сад:

На небе так тёмно, так тёмно,
И звездочки нет ни одной,
А в доме старинном так грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьет, барабаня, по крыше,
Хрустальные люстры дрожат;
За шкапом проворные мыши
В бумажных обоях шумят;

Они себе чуют раздолье:
Как скоро хозяин умрет,
Наследник покинет поместье,
Где жил его доблестный род —

И дом навсегда запустеет,
Заглохнут ступени травой...
И думать об этом так грустно
Среди непогоды ночной!..

1840-е годы

«Дождя отшумевшего капли...»

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела, как будто в слезах;
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя?
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я.

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.

Так думал о днях я минувших,
О днях, когда был я добрей;
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей,

И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
«Утешься, не сетуй напрасно —
То время вернется опять!»

1840-е годы

«Ой стоги, стоги...»

Ой стоги, стоги,
На лугу широком!
Вас не перечесть,
Не окинуть оком!

Ой стоги, стоги,
В зеленом болоте,
Стоя на часах,
Что вы стережете?

«Добрый человек,
Были мы цветами, —
Покосили нас
Острыми косами!

Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга!

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны!

На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда!

Ой орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,
Грозный, светлоокий!

Ой орел, орел,
Внемли нашим стонам,
Доле нас срамить
Не давай воронам!

Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,

Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Далеко, далёко!»

1840-е годы

«По гребле неровной и тряской...»

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней, —

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид,
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит.

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик.

Близ мельницы старой и шаткой
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...

Мне кажется все так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда:
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно...
Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки,
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики,

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода...
Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда!

1840-е годы

«Милый друг, тебе не спится...»

Милый друг, тебе не спится,
Душен комнат жар,
Неотвязчивый кружится
Над тобой комар.

Подойди сюда, к окошку,
Все кругом молчит,
За оградой дорожку
Месяц серебрит.

Не скрипят в сенях ступени,
И в саду темно,
Чуть заметно в полутени
Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною
Там спокойный ждет;
Сторож там, звеня доскою,
Мимо не пройдет.

1840-е годы

Пустой дом

Стоит опустелый над сонным прудом,
Где ивы поникли главой,
На славу Растреллием строенный дом,
И герб на щите вековой.

Окрестность молчит среди мертвого сна,
На окнах разбитых играет луна.
Сокрытый кустами, в забытом саду
Тот дом одиноко стоит;

Печально глядится в зацветшем пруду
С короною дедовский щит...
Никто поклониться ему не придет, —
Забыли потомки свой доблестный род!

В блестящей столице иные из них
С ничтожной смешались толпой;
Поветрие моды умчало других
Из родины в мир им чужой.

Там русский от русского края отвык,
Забыл свою веру, забыл свой язык!
Крестьян его бедных наемник гнетет,
Он властвует ими один;

Его не пугают роптанья сирот...
Услышит ли их господин?
А если услышит – рукою махнет...
Забыли потомки свой доблестный род!

Лишь старый служитель, тоской удручен,
Младого владетеля ждет,
И ловит вдали колокольчика звон,
И ночью с одра привстает...

Напрасно! все тихо средь мертвого сна,
Сквозь окна разбитые смотрит луна,
Сквозь окна разбитые мирно глядит
На древние стены палат;

Там в рамах узорчатых чинно висит
Напудренных прадедов ряд.
Их пыль покрывает, и червь их грызет.
Забыли потомки свой доблестный род!

1849

«Пусто в покое моем. Один я сижу у камина...»

Пусто в покое моем. Один я сижу у камина,
Свечи давно погасил, но не могу я заснуть.
Бледные тени дрожат на стене, на ковре, на картинах,
Книги лежат на полу, письма я вижу кругом.

Книги и письма! Давно ль вас касалась ручка младая?
Серые очи давно ль вас пробегали, шутя?
Медленно катится ночь надо мной тяжелою тканью,
Грустно сидеть одному. Пусто в покое моем!

Думаю я про себя, на цветок взирая увядший:
«Утро настанет, и грусть с темною ночью пройдет!»
Ночь прокатилась, и весело солнце на окнах играет,
Утро настало, но грусть с тенью ночной не прошла!

15 января 1851